
Т. М. МАХАМАТОВ

АНТИЧНАЯ ДЕМОКРАТИЯ КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ ГРАЖДАН

Возникновение демократии в первой ее абстрактной целостности означало качественно новый этап в историческом бытии общества. Древнейший греческий мир микенской эпохи посредством порождения демократии как принципиально новой формы организации социальной и политической жизни общества осуществил исторический скачок из мира подданных в принципиально новый мир – в мир граждан, мир равенства и политических прав.

Уже при чтении «Илиады» Гомера открывается другое общество, качественно иной человеческий мир, как если бы начиная с гомеровской эпохи греки не могли более воспринимать облик былой микенской цивилизации, с которой они были связаны.

Историческая возможность образования древнегреческой демократии как системы реализуется с момента появления на арене бытия индивида, осознающего, во-первых, свое органическое единство с обществом и свою ответственность перед ним через призму своего Я и, во-вторых, себя социально значимым человеком, о котором это общество должно проявлять определенную заботу, то есть с появления гражданина и признания его общественного статуса. Как пишет Ф. Х. Кессиди, «наряду с гласностью проявления общественно-политической жизни отличительной чертой демократических полисов была высокая оценка гражданина полиса как политического существа»¹.

Появление на исторической арене членов общества в статусе граждан обусловлено, на наш взгляд, как минимум тремя необходимыми предпосылками. Одной из них является выделение из общины индивида, осознающего себя отдельной ценностью, проявляющего свою индивидуальность и получающего, как герой, по-

¹ Кессиди, Ф. Х. К проблеме происхождения греческой философии. Послесловие / Ж.-П. Вернан // Происхождение древнегреческой мысли. – М.: Прогресс, 1988. – С. 196.

ощрение. Гражданин полиса «чувствовал себя не каким-то ничего не значащим придатком в системе целого, но вполне ценной и самозначащей личностью»². В сообществе происходит внутренняя дифференциация и индивиду дается возможность самостоятельного выбора и ответственности, включающих в себя частный интерес.

Второй предпосылкой выступает рационализм, означающий осознанность индивидом своего выбора, ответственности и частного интереса. «Так, с возникновением полисной формы общественно-политической жизни, – пишет Ф. Х. Кессиди, – складывается новая интеллектуальная и психологическая атмосфера, которая, на наш взгляд, явилась не просто эпифеноменом восходящей греческой демократической политической системы, но одной из ее предпосылок»³.

Сущностью этого нового интеллектуально-психологического феномена является рациональное осознание индивидом своего выбора, своей ответственности перед обществом и своего частного интереса. Гегель, раскрывая диалектическое единство обязанности и частного интереса в гражданине, писал, что «...особенный интерес не должен быть отстранен или даже подавлен, а должен быть приведен в согласие со всеобщим, благодаря чему будет сохранен он сам и сохранено всеобщее. Индивид, по своим обязанностям подданный, находит в качестве гражданина в исполнении этих обязанностей защиту своей личности и собственности, внимание к особенному благу и удовлетворение его субстанциальной сущности, сознание и чувство, что он член этого целого, и в этом исполнении обязанностей как свершений и дел на пользу государства государство обретает основу своей прочности и своего пребывания»⁴.

В Древней Греции гражданин должен был обладать способностью в случае необходимости публично защитить свои интересы. «Для системы *полиса* прежде всего характерно необычайное превосходство слова над другими орудиями власти»⁵. Эллы превращали слово в его рационально-логической форме в политиче-

² Кессиди, Ф. От мифа к логосу: Становление греческой философии. – 2-е изд. – СПб., 2003. – С. 23.

³ Он же. К проблеме происхождения греческой философии. Послесловие. – С. 193.

⁴ Гегель, Г. В. Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – С. 288.

⁵ Вернан, Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. – М.: Прогресс, 1988. – С. 68.

ский инструмент, в ключ к влиянию в государстве, в средство господства над другими.

Слово становится объектом философии, предметом преподавания, как, например, у софистов. Оно выливается в форму спора, дискуссии, диалога, предполагает наличие публики, к которой обращено как к арбитру и которая поднятием рук выносит решение в последней инстанции. По силе убежденности двух речей определяется победа одного оратора над другим, одного автора трагедии над автором другой трагедии.

Третья предпосылка общественно-исторического формирования гражданина – это коллективизм. Еще Аристотель писал, что человек по своей природе является существом общественным, ибо он – продукт государства. Согласно Стагириту, государство «по природе предшествует каждому человеку», человек же «не является существом самодовлеющим». А тот, кто не способен вступить в общение или, считая себя существом самодовлеющим, не чувствует потребности ни в чем, уже не составляет элемента государства, становясь либо животным, либо божеством.

Индивидуализм приобретает позитивность, то есть свое диалектическое, созидательное сочетание с коллективизмом, в рамках демократической системы – в гражданине, появление которого есть проявление исторического и логического начала формирования демократии.

В процессе становления статус гражданина включает в себя предпосылки, превращая их в главное содержание и основу воспроизводства исторического бытия гражданина.

В античной литературе понятие «гражданин» появилось задолго до понятия «демократия».

Понятие «гражданин» встречается в трагедиях Эсхила, Софокла, Еврипида, в комедиях Аристофана и произведениях других античных авторов. Появление этого понятия в древнегреческом обществе свидетельствовало о качественном переходе от всеохватывающей личной власти царя микенской державы, где была дворцовая система управления, к принципиально новой форме организации общественной жизни и государственного управления.

Падение микенской системы власти, великое переселение племен, их смешение, борьба мелких племен, семейств за свое существование и независимость, в ходе которой формировались герои-

ческие личности, художественным образом которых является мифологизированный Геракл, изменили мировоззрение древних греков, привели к образованию полисов.

В полисах сформировались диалектически взаимосвязанные противоположные силы, тенденции: частный и общий интересы полиса. С одной стороны, в полисах существовала общая система землевладения и землепользования на определенной территории, совместная ее защита в межполисных конфликтах. С другой – установилась определенная система землевладения на основе частновладельческого принципа: гражданин – владелец части территории полиса, надела, являвшегося гарантией его политических прав – участия в общеполисном собрании и доступа к магистратурам. В результате диалектики интеграционных и дифференцированных факторов возникала объективная необходимость сочетания борьбы, соревновательного духа, конкуренции с приверженностью к одному и тому же сообществу, с потребностью в единстве и социально-политической унификации.

Формирование статуса гражданина и выступало объединяющим началом противоположностей в личности. Социальная сущность гражданина защищает целостность полиса и политическое господство его коренных жителей. Привилегированное положение граждан в сравнении с остальным населением, замкнутые рамки городов-государств, негарантированность свободы и безопасности человека за пределами родной территории были основой древнегреческой идеологии, под которой само собой подразумевалось, что общие интересы сливались с частными интересами отдельных граждан. Жизнь гражданина экономически и политически определялась принадлежностью к полису. Города-государства рассматривались как совокупность граждан. В древнегреческом полисе не каждый свободный человек считался гражданином, но каждый гражданин, естественно, был человеком свободным. Гражданин являлся таковым, согласно Аристотелю, «не в силу того, что он живет в том или ином месте: ведь и метеки и рабы также имеют свое местожительство наряду с гражданами, а равным образом не граждане и те, кто имеет право быть истцом и ответчиком, так как этим правом пользуются и иноземцы на основании заключенных с

ними соглашений... Мы же считаем гражданами тех, – отмечал мыслитель, – кто участвует в суде и в народном собрании»⁶.

Граждане имели не только права, но и гражданские обязанности. Так, гражданин находился в таком же отношении к государству, в каком моряк на судне – к остальному экипажу. Хотя «они и не одинаковы, все же их задача заключается в спасении составляемого ими общения, а общением этим является государственный строй». Гражданская добродетель неизбежно обуславливается задачей гражданина защищать свой государственный строй. Она, то есть добродетель гражданина, заключается в способности и умении властвовать над свободными людьми и быть подвластным⁷.

В каждом виде государственного устройства свое понимание гражданина. Поскольку существовало несколько видов государственного устройства, было и несколько разновидностей гражданина. Но если исходить из общего для всех полисов понимания гражданина, то им «по преимуществу является тот, кто обладает совокупностью гражданских прав... Гражданин только тот, кто стоит в известном отношении к государственной жизни, кто имеет или может иметь полномочия в деле попечения о государственных делах или единолично, или вместе с другими»⁸.

По господствующей идеологии полисного мира, что нашло отражение и в древнегреческой философии, высшая добродетель есть гражданственность, то есть героическое служение отечеству и законопослушание.

Итак, по Аристотелю, критерии гражданства первоначально определялись традициями, а позже законами полиса. Гражданином являлся преимущественно коренной житель данного полиса, родившийся от обоих родителей-граждан и занимавший активную позицию в государстве, то есть в полной мере реализующий свои права и обязанности гражданина.

Приобретение демократией своей первой определенности породило познавательный интерес к себе. Первый рационально-критический анализ демократии, и соответственно ее первое понятие, встречается в диалогах Платона. Несмотря на его негативное

⁶ Аристотель. Соч.: в 4 т. – М.: Мысль, 1984. – Т. 4. – С. 444, 445.

⁷ Там же. – С. 444.

⁸ Там же. – С. 449, 450, 452.

отношение к демократии, на анализ демократии на уровне явления и на то, что он демократию сводит только к государственному устройству, Платон впервые выделил некоторые основные признаки демократии. Таковыми, согласно его рассуждениям, являются: 1) равенство и свобода всех граждан, 2) право всех граждан на участие в государственном управлении, 3) естественно-историческая необходимость демократической формы государственного устройства как форма разрешения противоречий олигархии.

Более подробно демократия анализируется Аристотелем в его «Политике». Она рассматривается им как одна из позитивных форм государственного устройства. Аристотель считал, что демократия является таким видом государственного устройства, при котором должности находятся в руках неимущих. По мнению философа, нахождение верховной власти в руках меньшинства или большинства – признак случайный, который не может служить основой различия демократии и олигархии. «То, чем различаются демократия и олигархия, – отмечал он, – есть бедность и богатство; вот почему там, где власть основана – безразлично, у меньшинства или большинства – на богатстве, мы имеем дело с олигархией, а где правят неимущие, там перед нами демократия»⁹.

Аристотель выделял пять видов демократии. Каковы их характеристики?

Первый вид демократии отличается господством всеобщего равенства. «Равенство же, гласит основной закон этой демократии, состоит в том, что ни неимущие, ни состоятельные не имеют ни в чем каких-либо преимуществ; верховная власть не сосредоточена в руках тех или других, но те и другие равны».

Второй вид демократии – «тот, при котором занятие должностей обусловлено, хотя бы и невысоким, имущественным цензом».

Третий вид демократии отличается тем, что при ней «все граждане, являющиеся бесспорно таковыми по своему происхождению, имеют право на занятие должностей, властвует же закон».

Четвертый вид демократии дает право занимать должности всякому, лишь бы он был гражданином не только по происхождению, но и по приобретению. Например, бывший чужестранец или сын чужестранца и т. п. Но «властвует же опять-таки закон».

⁹ Аристотель. Указ. соч. – Т. 4. – С. 454–455.

«При пятом виде демократии все остальные условия те же, но верховная власть принадлежит не закону, а простому народу». Здесь фактически правят демагоги. Этот вид демократии Аристотель называет «крайней демократией» и считает по своей сущности тождественной тирании. При таком правлении простой народ становится деспотом: «и крайняя демократия, и тирания поступают деспотически с лучшими гражданами; постановления такой демократии имеют то же значение, что в тирании распоряжения».

Аристотель сделал важный вывод о сущностном отличии древнегреческого образа жизни и государственного устройства, проявляющемся в господстве закона в общественной жизни и в деятельности государственного устройства, от микенского и азиатского деспотического правления и образа жизни. «По-видимому, такого рода демократии можно сделать вполне основательный упрек, что она не представляет собой государственного устройства: там, где отсутствует власть закона, нет и государственного устройства. Закон должен властвовать над всем»¹⁰.

Диалоги Платона, «Политика» Аристотеля и произведения древнегреческих драматургов показывают, что **демократия в полисах выступала как единство общественной и политической сфер города-государства**. Такое единство формировалось на основе гражданской активности равных и свободных эллинов. Здесь политика являлась одной из форм активной деятельности, самоорганизации, самоуправления гражданского общества.

Демократия с самого начала своей истории формируется как результат синтеза исторических традиций, образа жизни, способа организации гражданской и политической жизнедеятельности социального организма. Аристотель сам пишет, что «не следует забывать, что во многих местах государственное устройство в силу тамошних законов не демократическое, но является таковым в силу господствующих обычаев и всего уклада жизни»¹¹ (курсив мой. – Т. М.).

Первоначальная историческая форма демократии, благодаря небольшому размеру государственных образований наподобие полисов, носит непосредственный характер, выступает **как образ**

¹⁰ Аристотель. Указ. соч. – Т. 4. – С. 459.

¹¹ Он же. Политика / Аристотель // Соч.: в 4 т. – Т. 4. – С. 498.

жизни граждан полиса. Здесь обыденная, гражданская жизнь не отделена от политической жизни; последняя выступает как бы непосредственным продолжением первой. Гражданский коллектив (не тождественный всему населению) представляет собой одновременно и государственный аппарат полиса. Древнегреческий «город с его городской площадью и рынком (агора) – местом народных собраний, с его храмами, общественными учреждениями и мастерскими ремесленников был центром экономической, политической и культурной жизни полиса. Гражданин полиса мыслил государство, отечество и свои функции в нем не абстрактно... В классической Греции жизнь общества как единого целого покоилась на взаимодействии гражданина и полиса, на полисном патриотизме: полис существует для граждан, а граждане – для полиса»¹². Кровнородственные, профессиональные и иные объединения могли существовать, но не играли роли промежуточного звена между гражданином и государством. Связь между тем и другим была непосредственной.

Для древних греков было обычным представлением о том, что полис ограничивается только гражданским коллективом, основу всех политических концепций составляла идея об идентичности полиса и коллектива граждан. В этом отношении особо значима полисемантическая термина *politeia*, означавшего одновременно и гражданский коллектив, и право гражданства, и конституцию полиса¹³.

Всякое политическое действие является действием всего коллектива и каждого гражданина. Потому и демократизм образа жизни гражданского общества непосредственно определяет демократизм государственного устройства.

Примерно в то же время, когда в древнегреческих полисах формировалась система непосредственной демократии, «демократии участия» «гражданских правительств», такая же система правления появляется и на Апеннинском полуострове, в Риме.

Древнеримская демократия имела ряд своих особенностей, отличающих ее от древнегреческой демократии. Однако в одной демократии были одинаковы: и в греческих полисах, и в Риме демократия проявлялась как образ жизни свободных граждан. И по-

¹² Кессиди, Ф. От мифа к логосу. – С. 23, 24; также см.: Бузескул, В. П. История афинской демократии. – СПб., 2003. – С. 41–56.

¹³ Становление и развитие полиса // Античная Греция. Проблемы развития полиса. Т. 1. – М.: Наука, 1983. – С. 31.

лисная Греция, и Рим, начиная со времен правления первых царей, формировались и развивались на базе античной гражданской общины. Весь ее строй предопределял шкалу основных ценностей двух античных миров. К таким ценностям принадлежали¹⁴:

- идея значимости и изначального единства гражданской общины при неразрывной связи блага отдельной личности с благом всего коллектива, служить которому было долгом каждого гражданина;

- идея верховной власти народа и закона, ставящей античный город на недосыгаемую высоту по сравнению с теми государствами, где правит царь, а все остальные жители – его рабы;

- идея свободы и независимости как для города, так и для граждан (при всем различии в толковании свободы она всегда противопоставлялась рабству);

- идея теснейшей связи гражданской общины с ее богами и героями, как бы тоже бывшими ее членами, заботившимися о ее делах, подающими знаки своей воли, требующими почитания, но не воспринимавшимися как верховные грозные боги других народов.

Однако сходство отнюдь не означало тождества. Прежде всего, с самого начала своего существования Рим вел постоянные войны со своими соседями, что в основном и определило его организацию, образ жизни и нравы граждан.

Железная воинская дисциплина требовала воинских добродетелей – мужества, верности, стойкости, суровой непреклонности, гордого достоинства, несовместимого с проявлением шумного веселья, допускавшегося в виде исключения лишь на некоторых праздниках. «Древнеримский гражданин – это солдат и политик»¹⁵. «Любовь к родине у римлян – религиозное чувство в такой же мере, как и политическое; их боги – римляне и живут на земле». У древних римлян город, религия и государство «соединились в одном, в государстве. Оно было городом; ему приносили в жертву семью; оно сливалось с религией; сердце и мысль человека всецело

¹⁴ См.: Вернан, Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли; Гегель, Г. В. Ф. Философия истории. – СПб., 1993; Гиро, П. Быт и нравы древних римлян. – Смоленск, 2002; Он же. Быт и нравы древних греков; Трухина, Н. Н. Политика и политики «золотого века» Римской республики (II в. до н. э.). – М.: МГУ, 1986; Культура Древнего Рима: в 2 т. – Т. 1. – М., 1985; Вико, Дж. Основания Новой науки об общей природе наций. – М. – Киев, 1994 и др.

¹⁵ Арпан, Дж. К. История итальянского искусства: в 2 т. – Т. 1. – М., 1990. – С. 63.

принадлежали его отечеству, и с какой бы стороны мы ни заглянули в душу римлянина, всегда мы найдем в нем только гражданина»¹⁶.

Древнеримская демократия подвергалась влиянию всех трех исторических этапов организации римского мира: царский Рим, республиканский Рим и Римская империя. «В области управления общиной в начале царской эпохи, – пишет И. Л. Маяк, – налицо все элементы военной демократии»¹⁷. Римской гражданской общиной управляли царь, сенат и куриатные комиции, то есть народные собрания (от *coire* – сходиться, место сходок).

«Важнейшей функцией куриатных собраний было избрание (*creatio*) царя. Так, по Дионисию, сам Ромул созвал народное собрание, объявил о благоприятных для него ауспичиях и был им назначен царем. Тулл Гостилий и Анк Марций тоже были избраны куриатными комициями»¹⁸. Комициям для утверждения представлялись выбранные по куриям курионы, жрецы разных культов и члены совета, то есть сенаторы. Тит Ливий пишет об избрании царя в комициях как об обязательном обычае¹⁹.

Сенат сопровождал всю историю Рима от его истоков и на протяжении своего долгого существования менял свою сущность и социальный состав. Число сенаторов должно было соответствовать числу родов. Важнейшей функцией сената, состоящего из *patres-senatores*, была тогда организация избрания царя. Сенат обладал судебными функциями, рассматривая дела не первостепенной важности.

Внутри сената дела решались голосованием. Голосование производилось расхождением сенаторов в разные стороны и присоединением к старшим по рангу («*pedarium senatorum*»), то есть каждый направлялся в сторону того, чье предложение считал правильным²⁰. Сенат не обладал исполнительной властью, поэтому ему приходилось опираться на магистратов.

Со временем власть царя усиливается, и усиливаются и обостряются противоречия между царем и сенатом, что заканчивается изгнанием царей и уничтожением царской власти навсегда, и начинается эпоха Римской республики.

¹⁶ Гиро, П. Быт и нравы древних римлян. – С. 330.

¹⁷ Маяк, И. Л. Рим первых царей. Генезис римского полиса. – М.: МГУ, 1983. – С. 259.

¹⁸ Там же. – С. 234–235.

¹⁹ Ливий, Тит. История Рима от основания города. – Т. 1 (I, 47, 10). – М., 1989. – С. 52.

²⁰ Бартошек, М. Римское право: понятия, термины, определения. – М., 1989. – С. 286.

«Главным моментом в первый период римской истории является то, – пишет Гегель, – что плебеи получили право занимать высшие должности и что земельные участки, которыми они были наделены, обеспечивали существование граждан. Благодаря этому соединению патрициата и плебса в Риме впервые в самом деле установился прочный внутренний строй, и лишь с тех пор стало возможно развитие внешнего могущества Рима»²¹.

Римский плебс, как свидетельствуют Аппиан, Тит Ливий, Светоний и другие древнеримские историки, с гораздо большим трудом, чем афинский демос, добился своих побед, и победы его не были столь полными, как у афинского демоса. Борьба патрициев и плебеев стоила огромного напряжения сил с обеих сторон. В ходе ее вырабатывались различные формы организации как патрициев, так и плебеев. «Первостепенное значение приобрела борьба за различные законы, вырывавшиеся плебеями у их противников, что обусловило особую роль права в жизни общества»²².

Так, например, в Риме имело место равенство граждан в смысле юридической правоспособности, ответственности перед законом, но не было равенства в политической и социальной сфере. Определяющую роль здесь играл ценз, соединявший такие объективные критерии, как размер имущества и происхождение, с оценкой, которую давал гражданину представленный цензором коллектив, что и определяло место гражданина в социальной иерархии, его права и обязанности.

Дж. Вико писал, что ценз Сервия Туллия, то есть налог в *эрарий* (государственную казну) за владение землей, стал «основой народной свободы». «Именно это установление, зародившееся в пределах самого Рима, а не Законы XII Таблиц, пришедшие якобы из Афин, действительно установило Демократическую Республику»²³.

Фабий Максим ввел ценз, разделивший весь римский народ на три класса – *сенаторов*, *всадников* и *плебеев*, – в зависимости от имущественного положения граждан; «он ободрил также *плебеев*, так как если раньше только члены *сословия сенаторов*, первоначально состоявшего из одних *благородных*, занимали магистрату-

²¹ Гегель, Г. В. Ф. Философия истории. – С. 325.

²² Культура Древнего Рима. – Т. 1. – С. 9.

²³ Вико, Дж. Основания Новой науки. – С. 264.

ры, то отныне и впредь в это сословие могли переходить благодаря своим богатствам также и *плебеи*, и тем самым для них была открыта обычная дорога ко всем гражданским почестям». «Благородные не составляли уже больше отдельного сословия в городе и в зависимости от своего состояния присоединялись к одному из этих трех классов. С этого времени и впредь начали отличать *патриция* от *сенатора* и от *всадника*, а *плебея* – от незнатного: *плебей* противопоставлялся уже не *патрицию*, а *всаднику* и *сенатору*, а слово “плебей” означало уже не “не-знатного”, а гражданина с небольшим имуществом, как бы он ни был благороден; и, обратно тому, слово “сенатор” означало уже не патриция, а гражданина с огромнейшим имуществом, даже если он и не-знатен»²⁴.

По мнению античных мыслителей, цензитарная система была более справедлива, чем простое «арифметическое» равенство, так как она «рассчитывала» права и обязанности так, чтобы равным был их результат: равенство «пропорциональное», или «геометрическое». Обладатели богатства и высокой степени почета, достоинства имели монополию на уважение и магистратуру. Но зато они и в большей степени несли повинности в пользу государства или общины, поставив на службу обществу свои состояния и свои дарования в мирное и военное время²⁵.

Хотя народное собрание и было высшим избирательным и законодательным органом, простые граждане не могли рассчитывать занять высокие должности, как это было в греческих полисах. Так, чтобы добиться первой магистратуры, дававшей доступ в сенат, гражданин должен был участвовать не менее чем в 10 военных кампаниях на коне, то есть уже принадлежать к высшему имущественному разряду всадников. Никогда, даже в эпоху борьбы патрициев и плебеев, не было поколеблено древнее, восходившее еще к эпохе родового строя уважение к знатному происхождению, так же связанному с комплексом прав и обязанностей.

Такое их распределение отвечало основополагающему представлению о приоритете общей пользы коллектива перед частной и ее совпадении с пользой каждого его члена, поскольку вне граж-

²⁴ Вико, Дж. Основания Новой науки. – С. 267–268.

²⁵ См.: Nikolet, C. Le metier de citoyen dans la republique romaine. – P., 1976 // цит. по: Культура Древнего Рима: в 2 т. – Т. 1. – М.: Наука, 1985.

данской общины невозможна была и жизнь гражданина²⁶. Именно в таких моментах образа жизни коренных римских граждан, как высокая социальная организация и сознательная дисциплина, обуславливалась специфика древнеримской республики и необычайная эффективность политической и военной системы Древнего Рима.

Аппиан писал: «Между римским народом и сенатом часто происходили взаимные распри по вопросам законодательства, отмены долговых обязательств, раздела общественной земли, выбора магистратов. Однако это не были в строгом смысле слова гражданские войны, которые доходили бы до применения насильственных действий. Дело шло лишь о разногласиях и пререканиях, которые протекали в рамках закона и улаживались при соблюдении большого почтения к спорящим сторонам, путем взаимных уступок»²⁷.

В образ римского народа периода Римской республики, рафинированно описанного Титом Ливием, входили: гражданская свобода как исходная черта римского государства и римского этоса; ее укорененность в другом фундаментальном первоначале этого государства и этого этоса – в праве; право как основа гражданской организации высшего типа, которую римляне призваны распространить в мире, приобщая к ней покоренные ими народы; соответствие римского гражданско-правового жизнеустройства божественному мироустройству и готовность на этом основании разлитой в мире божественной субстанции в решающие моменты актуализоваться, дабы спасти общину Рима, содействовать ее росту и процветанию; благочестивая потребность римлян постоянно проверять с помощью тщательно продуманных и скрупулезно выполняемых обрядов, насколько предпринимаемые ими действия соответствуют сакрально предопределенному назначению их народа и предначертаниям богов; в той мере, в какой эти предначертания темны, загадочны и миром правит случай, источником надежды и веры в будущее для римлян всегда остаются, с одной стороны, вложенная в них природой и божественной субстанцией, ей имманентной, жизнестойкость и могучая выносливость, а с другой – ге-

²⁶ Штаерман, Е. М. От гражданина к подданному // Культура Древнего Рима: в 2 т. – Т. 1. – М.: Наука, 1985; Маяк, И. Л. Рим первых царей: генезис римского полиса; Трухина, Н. Н. Указ. соч.

²⁷ Аппиан. Гражданские войны (I, 1). – М., 1994. – С. 3.

роическая воля жертвами преодолевать трудности, оставаться верным демократии и никогда не сдаваться²⁸.

Хотя за этим довольно-таки идеализированным образом римского народа, описанного Титом Ливием и Аппианом, и скрываются острая, доходившая до многолетней гражданской войны борьба между богатыми, знатными и малоимущим римским народом, противозаконные действия аристократии, сенаторов, но нельзя не признать осуществление демократического образа жизни.

Примером общедоступности решений сената и комиций является приказ Юлия Цезаря в период своего первого консулата в 59 г. до н. э. «составлять и обнародовать ежедневные отчеты о собраниях сената и народа»²⁹. «В силу упомянутого распоряжения Цезаря копию протокола вывешивали в общественном месте. А еще до этого граждан официально оповещали о важнейших делах и событиях посредством альбумов – покрытых белым гипсом табличек, помещенных на стене бывшего царского дворца близ Форума; ...Вместе с “деянием сената” до всеобщего сведения доводились официально и отчеты о народных собраниях – “хроника деяний народа”»³⁰.

В эпоху Республики право в известной мере демократизировалось. Сила закона была придана плебисцитам; хотя право еще не было приведено в стройную систему, ему не были чужды некоторые теоретические построения, обобщения и дискуссии на тему о том, что же такое право, каковы его истоки и каким образом можно примирить право и естественную справедливость. «Несомненным для всех было понятие “общей пользы” (как бы она ни толковалась) как основы права, идея равенства граждан перед законом и тезис *sumt quique*, то есть воздаяние каждому по его достоинствам и недостаткам, заслугам, возможностям, положению»³¹.

Особенность демократического образа жизни римских граждан заключалась в том, что в римском – как и в греческом – обществе

²⁸ См.: Кнабе, Г. С. Рим Тита Ливия – образ, миф и история / Тит Ливий // История Рима от основания города. – Т. 3. – М., 1993. – С. 632, 633–635.

²⁹ Светоний. Божественный Юлий / Гай Светоний Транквилл // Жизнь двенадцати цезарей. – М., 1988. – С. 20.

³⁰ Винничук, Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. – М., 1988. – С. 102–103.

³¹ Штаерман, Е. М. Римское право // Культура Древнего Рима. – Т. 1. – С. 226.

человек был включен в две системы связей: в систему города-государства, где отношения граждан действительно регулировались законами, и в систему социальных микрообщностей, где отношения регулировались не законами, а находившимися с ними в сложных, противоречивых отношениях традицией и личными зависимостями.

Так, Цицерон в трактате «Об обязанностях» писал, что «лучше всего человеческое общество и союз между людьми будут сохранены в том случае, если мы будем относиться к каждому с тем большим расположением, чем теснее он с нами связан. В человеческом обществе есть много ступеней. ...Более тесные узы – принадлежность к одной и той же гражданской общине. Ведь у граждан есть много общего: форум, храмы, портики, улицы, законы, права, правосудие, голосование; кроме того, общение друг с другом и дружеские связи, а у многих и деловые отношения, установившиеся с многими людьми. Более тесные связи и узы между родными; исходя из вышеупомянутого неизмеримого общества человеческого рода, люди замыкаются в малое и тесное».

«Но если взглянуть на все с точки зрения разума и души, то из всех общественных связей для каждого из нас наиболее важны, наиболее дороги наши связи с государством. Дороги нам родители, дороги дети, родственники, близкие, друзья, но отечество одно охватило все привязанности всех людей. Какой честный человек поколеблется пойти за него на смерть, если он этим принесет ему пользу?» Социальными микрообщностями, то есть своеобразными малыми контактными группами, были, например, местная община, из которой человек вышел и на поддержку которой он опирался всю жизнь; семья, члены которой ориентировались в своем общественном поведении на знатных и богатых покровителей и в свою очередь оказывали покровительство менее знатным и богатым семьям, от них зависевшим; дружеский кружок, спаянный не столько личной приязнью, сколько общностью деловых и политических интересов; полностью неформальное сообщество, которое в Риме называлось «партией» (*partes*) и объединяло людей, преследовавших одни и те же непосредственные политические цели; наконец, коллегия – профессиональная, жреческая или посвященная культу неофициального божества, но во всех случаях предполагавшая регулярные собра-

ния, совместные церемонии и коллективные трапезы, то есть неформальное общение и солидарность членов³².

Обе системы – система города-государства и система микрообщностей – в реальной жизни находились, естественно, в постоянном взаимодействии и проникали друг в друга. Это приводило к тому, что государственно-политическая сфера никогда не была и не могла быть полностью отчуждена от повседневного существования людей, от личных отношений, от семьи и кружка, реализовалась в понятных каждому непосредственно человеческих формах. В этом взаимопроникновении и взаимообусловленности этих систем демократия воспроизводилась как образ жизни.

Осуществление и воспроизводство демократического образа жизни республиканского Рима происходило при господстве публичного официального права. Как писал Шпенглер, «Рим сделался *городом античной юриспруденции*»³³.

Демократический образ жизни римлян через правовые институты, «партии» и «фракции»³⁴ и посредством процедур образования институтов государственной власти Рима превращался в политическую форму демократии.

Однако Рим никогда не мог в полной мере привести свои институты народовластия граждан в соответствие с постоянно возрастающей численностью своих граждан и с фактором их географической удаленности от города Рима. Собрания, в которых римские граждане обязаны были участвовать, происходили, как и в самом начале истории Республики, в самом Риме – на Форуме.

Следовательно, большинство римских граждан, живших на разных концах огромнейшей территории республики, не имели, да и практически были лишены возможности присутствовать на народных собраниях. Здесь возникает объективная необходимость перехода от практически и политически изживающей себя непосредственной демократии к другой форме правления – к опосредованной. Переход состоялся. Но уже не в форме демократии.

³² См.: Трухина, Н. Н. Указ. соч. – С. 37, 43, 137; Кнабе, Г. С. Рим Тита Ливия – образ, миф и история. – С. 634–635.

³³ Шпенглер, О. Закат Европы. – Т. 2. – М., 1998. – С. 68.

³⁴ См.: Трухина, Н. Н. Указ. соч. – Гл. 2.

Диктатура Юлия Цезаря положила конец изживающей себя форме непосредственной демократии, и республика превратилась в империю, покорную воле своего повелителя, граждане превращались в простых подданных. Римский народ формально получил то, чего добивался: перенеся, по официальной версии, «свою власть и величество» на императора, ежегодно облакавшегося полномочиями народного трибуна, по видимости, занял подобающее ему главенствующее место. Император заменил его как верховная апелляционная инстанция и как источник права: отныне он, император, принимал законы, в частности и аграрные. Народ постепенно теряет интерес к политическим вопросам.

Считавшееся во времена расцвета республики высшей добродетелью, «чувство гражданской “причастности” отсутствовало, поскольку ее не осталось и на практике»³⁵. Посредством изменения образа жизни римлян, выражающегося в угасании гражданского общества, в потере гражданской активности, происходит вырождение республиканской демократии, *разделение прежде единого гражданского общества и политической сферы в самостоятельные организации, без образования между ними посредствующих звеньев.*

Однако имелась и объективно-историческая необходимость в усилении централизации власти установлением императорской власти с широкими полномочиями. Такая перемена не была случайностью; она была *необходима* и вызвана обстоятельствами. Демократическая политическая система не могла уже сохраниться в Риме. Огромная территория Рима, непрерывные захватнические войны, организация доставки в Рим и распределение военной добычи требовали оперативного решения, что невозможно было в рамках непосредственной демократии.

С падением республики в Риме непосредственная демократия хотя и ушла с арены большой политики, однако продолжала оставаться элементами в образе жизни и в правлении разбросанных на ее территории племен и народностей. Именно наличие элементов демократизма в образе жизни варварских народов Европы было основанием (наряду с историческим опытом) возрождения демократии в ее новой форме.

³⁵ Культура Древнего Рима. – Т. 1. – С. 53, 84; также см.: Шпенглер, О. Указ. соч. – Т. 2. – С. 460–461.